
Х. В. ИДРИСОВ, Т. М. НИНЦИЕВА

**ВИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

12+

Хусейн Идрисов

**Вина и ответственность
в гражданском праве**

«Автор»

2020

Идрисов Х. В.

Вина и ответственность в гражданском праве / Х. В. Идрисов —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04649-8

Монография представляет собой комплексное научное исследование проблем гражданско-правовой ответственности. В рамках данной работы научный анализ ответственности проведен не только с позиций гражданского и других отраслей права, но и при учете подходов к данному явлению, сформировавшихся в социологии, философии и психологии. Монография оформлена с использованием иллюстрационного материала. Научная работа рассчитана на широкий круг читателей. Кроме обучающихся по юридической специальности, юристов-практиков, она может быть интересна и тем, кто не принадлежит к юридическому корпусу, – экономистам, социологам и др.

ISBN 978-5-532-04649-8

© Идрисов Х. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Вина и ответственность как психолого-правовые категории	8
§ 1. Теоретические взгляды на природу вины и ответственности в гражданском праве	8
§ 2. Социальные и психолого-философские критерии как первичные составляющие содержания вины и ответственности	18
§ 3. Понятие и соотношение категорий воли, волеизъявления и интереса	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Хусейн Идрисов, Тамила Нинчиева

Вина и ответственность в гражданском праве

Вместо предисловия

«Мы предложили небесам, земле и горам взять на себя ответственность, но они отказались нести ее и испугались этого, а человек взялся нести ее. Воистину, он является несправедливым и невежественным»

(Священный Коран, 33:72)

Понятия о вине и ответственности в их гражданско-правовом восприятии существовали еще в дореволюционный период развития доктрины частного права. Однако последовательное, непосредственно предметное исследование вины в науке гражданского права началось в конце 30-х годов прошлого века. Вызвано это было тем, что в этот период в цивилистике наметились позиции, с которых предлагалось гражданско-правовую ответственность строить на началах принципа вины, отказавшись от принципа причинения. Впоследствии, принятый и введенный в действие в 1964 году, Гражданский кодекс РСФСР полностью реализовал данные позиции, указал на первостепенность и необходимость присутствия такого элемента как вина в схеме условий гражданско-правовой ответственности. В ныне действующем Гражданском кодексе РФ, вина как элемент ответственности закрепляется, но, так же, как и в предыдущих кодексах, в гражданском законе не приводится прямого определения гражданской вины и ее форм. То же самое касается и понятия гражданско-правовой ответственности. Этот вопрос носит дискуссионный характер в цивилистике и на сегодняшний день.

Наиболее известная работа советского периода цивилистики, написанная по исследуемой теме – это монография Г. К. Матвеева «Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву» (1951 г.). Ученый-правовед исследовал вину с позиций гражданского права, вместе с тем, довольно обширно ссылаясь на положения, разработанные уголовно-правовой доктриной. По истечении более полувека вопросы исследования вины и ответственности остаются все такими же актуальными, и востребованными отечественной цивилистикой. К наиболее поздней работе по данной проблематике можно отнести монографию Д. А. Пашенцева и В. В. Гарамиты «Вина в гражданском праве» (2010 г.). Вина авторами рассматривается как основание гражданско-правовой ответственности.

Проблематика вины наиболее остро просматривается через призму современного состояния гражданско-правовых институтов, в частности, института гражданско-правовой ответственности, как механизма защиты имущественных и личных неимущественных прав юридических и физических лиц. Уяснение вопросов по вине и ее формам в гражданском праве позитивным образом воздействует на понимание сущности гражданско-правовой ответственности и оттого, насколько успешно будет решен данный вопрос, зависит и эффективность самой гражданско-правовой ответственности.

Не вызывает возражений и то, что вина, и ответственность обладают дуалистическим (двойственным) содержанием. С одной стороны, они выступают как социально-правовые явления, с другой – как психосоциоэтические. Социальное содержание вины состоит в том, что она выражает негативное отношение правонарушителя к интересам, ценностям общества, социума, в котором он существует, в свою очередь, наступление ответственности опосредовано

обратной реакцией общества на такое поведение. Психоэтическое содержание вины и ответственности состоит в неотвратимости претерпевания индивидуумом чувства вины, и осознания им необходимости несения личной ответственности, отрицательной оценки своих действий с точки зрения психологической и этической составляющей.

Актуальность исследований в указанной области причинно обусловлена потребностью теоретической науки и юридической практики в качественной перенастройке механизма установления и применения условий (одним из которых является вина) гражданско-правовой ответственности в процессе ее реализации. Немаловажным является, по нашему мнению, соотношение данных условий между собой, их взаимовлияние и взаимообусловленность. Современное состояние данной проблемы предполагает, что решаться она должна, в соответствии, с указанными выше, дуалистическими свойствами вины и ответственности, то есть односторонний подход к данной проблеме выведет одностороннюю (узкую) ее формулировку. Комплексная, интегрированная позиция, по нашему мнению, наиболее полно отразит все существенные моменты рассматриваемого вопроса, в духе соответствия актуальности исследования.

Проблематика вины и юридической ответственности породила такие научные концепции в цивилистике, как «принцип причинения» и «принцип вины». На раннем этапе формирования представлений об ответственности лица, за причиненный вред предусматривалось, что оно несет ответственность в силу самого факта совершения действий, которые причинили убытки (вред), без учета того, виновно оно или нет (по принципу талиона), т.е. ответственность предусматривалась за факт причинения («принцип причинения»). Такой подход существовал в периоды первых древних цивилизаций, а также в доклассический период развития римского права. Однако уже на этапе развития классического римского права появились первые упоминания о вине и необходимости ее наличия для привлечения к ответственности, хотя при этом эти предложения были зачатками современной концепции вины, и представляли в завуалированной форме в текстах римских законоположений. Позже в более явном виде принцип вины получил свое выражение в следующем положении Дигест Юстиниана: «Вины нет, если соблюдено, все что требовалось».

Наиболее всеобъемлющему и последовательному исследованию в правовой доктрине вина подверглась в дореволюционный период и в период развития социалистического гражданского права. В эпоху советского гражданского права принцип вины был закреплён в качестве необходимого условия, наряду с другими элементами, в схеме механизма реализации гражданско-правовой ответственности.

Впервые же, свое законодательное закрепление принцип вины получил, в принятом в советский период Гражданском кодексе РСФСР от 1964 года. В свою очередь, принцип вины стал рассматриваться с позиций двух концепций: психологической концепции, указывавшей, что вина – это психическое отношение лица к конкретным обстоятельствам правонарушения и объективной концепции, утверждавшей, что вине в гражданском праве не первостепенно и не значительно наличие психического отношения к конкретным явлениям, подобно тому, что можно наблюдать в уголовном праве в плане важности значения установления субъективной стороны преступления. Сторонниками психической концепции вины выступали и выступают такие граждановеды, как О. С. Иоффе, Г. К. Матвеев, О. А. Красавчиков, А. М. Белякова, Е. А. Суханов, А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой и др. Последователями объективной концепции являются М. М. Агарков, С. С. Алексеев, В. В. Витрянский и др. Проблематикой вины и гражданско-правовой ответственности занимались дореволюционные русские цивилисты, в частности, такие как: Г. Ф. Шершеневич, Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев, К. Анненков. Немалый вклад в исследование вопросов ответственности и вины, как условия ее наступления, внесли такие граждановеды как: Х. И. Щварц, Л. А. Лунц, И. Б. Новицкий, В. А. Ойгензихт, Е. А. Павлодский, Н. С. Малеин; зарубежные граждановеды: Бешютц, Вессельс, Е. Годэме, Ленкнер, Р. Саватье, Г. Вольф и др.

В качестве целей данного исследования обозначена комплексная разработка теоретических положений ответственности и вины как условия гражданско-правовой ответственности, а также формулирование практических рекомендаций по совершенствованию действующего гражданского законодательства РФ в контексте исследуемой проблемы.

Для достижения поставленных целей, были сформулированы следующие задачи исследования:

- 1) рассмотреть теоретические взгляды на природу вины и ответственности в гражданском праве;
- 2) выявить психологические и философские аспекты в содержании вины и ответственности;
- 3) отразить связь вины с противоправностью и каузальностью;
- 4) изучить соотношение категорий воли, волеизъявления и интереса;
- 5) привести сравнительно-правовой анализ категорий «убытки», «ущерб» и «вред» в рамках норм ГК РФ;
- 6) исследовать соотношение вины, случая и риска в гражданском праве;
- 7) провести сравнительное исследование вины в уголовном и гражданском праве;
- 8) рассмотреть формы вины и охарактеризовать степень вины;
- 9) исследовать вину юридического лица.

Методологической основой работы выступает совокупность методов научного познания, среди которых диалектический метод, позволивший раскрыть проблему в ее взаимосвязи с другими явлениями, процессами и предметами, общенаучные методы (синтез, анализ, дедукция), а также частнонаучные юридические методы, такие как сравнительно-правовой и формально-юридический.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном исследовании проблем вины и ответственности с позиций гражданского права, выявлении их значения и перспектив для развития науки и сделанных на их основе выводов авторов.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в законодательной деятельности и судебной практике, а также преподавателями ВУЗов при преподавании учебного курса «Гражданское право» и профильных дисциплин.

В научном исследовании использованы аналитические материалы, статистические данные и официальные документы, в том числе, нормативные правовые акты по состоянию на 1 июля 2020 г. Монография оформлена с использованием иллюстрационного материала в целях наиболее полного осмысления и представления читателем содержания научной работы.

Основные результаты исследования апробированы в рамках учебного процесса на юридическом факультете Чеченского государственного университета и впоследствии получили свое практическое воплощение, путем введения в 2008 году в учебный процесс юридического факультета университета профильной дисциплины «Ответственность в гражданском праве», которая вот уже на протяжении 12 лет с успехом преподается студентам-юристам.

*С наилучшими и искренними пожеланиями
в личном и профессиональном становлении
Х. В. Идрисов, Т. М. Нинчиева*

Глава 1. Вина и ответственность как психолого-правовые категории

§ 1. Теоретические взгляды на природу вины и ответственности в гражданском праве

Проводя юридическую оценку категории «вина», прежде всего, необходимо отталкиваться от действующего законодательства, иначе трудно говорить о обоснованности и последующей практической целесообразности в решении данной проблемы.

Как же законодатель подходит к вопросу определения вины? Если мы обратимся к действующему Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ), то заметим, что специальной нормы в кодексе, дающей определение вины, нет. Однако есть следующая норма, упоминающая понятие вины. Так, согласно пункту 1 статьи 401 ГК РФ: «Лицо, не исполнившее обязательство, либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности»¹. Можно видеть, что здесь вина упоминается в контексте условия наступления ответственности, хотя даже и отсутствие этого условия может привести к возникновению гражданско-правовой ответственности в определенных законом случаях.

В ГК РСФСР от 1964 года также отсутствовало легальное закрепление данного понятия. То есть о самой вине в его нормах речь идет, но не раскрывается сути данного понятия². Этот правовой вакуум дал почву для возникновения концепций, формулирующих вину, как специфическую правовую категорию.

При этом вина, будучи правовым явлением, носит также и исторический характер, то есть в разные исторические этапы и при различных государственно-правовых формациях, вина и ответственность рассматривались с различных позиций.

Самый ранний детальный анализ вина получила в системе римского права. Так, римское право исходило из того, что правонарушительным действием называется действие, совершенное вопреки запрету или велению объективного права.

Но, прежде чем характеризовать вину, выясним, как понималась в римском праве такая правовая категория как «обязательство». Ибо именно факт наличия обязательства подразумевал его последующее исполнение, а в случае неисполнения – ответственность лица, разумеется, при наличии его вины. Так, обязательства возникали при факте заключения контракта или нарушении законных прав. Обязательства могли быть гражданскими (pretorian) и могли являться результатом контракта, квази-контракта, нарушения закона, и квази-нарушения закона. Также обязательства могли быть приобретены от отца, вследствие доминирующих (dominical) полномочий и из поручительства (mandataries). Обязательства и права действия возникали также из деликтов (delicta), которыми являлись правонарушения человека. Нарушения закона могли быть или фактическими, или квази-нарушениями: первые – из-за преднамеренных действий, а последние – из-за небрежности. В публичном праве это были преступления, в частном – нарушения законных прав. Примерами таковых были: «furtum» (воровство) – явное (грабеж) или скрытое (кража); «rapina» (грабеж с насилием или разбой); «damnum

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.05.2020).

² Ст. 222 «Вина как условие ответственности за нарушение обязательств» Гражданского кодекса РСФСР // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.05.2020).

injuria» – понижение вещи в стоимости (ущерб свойству); и «*injuria*» (вредительство, хулиганство – своего рода произвол, дискредитируемый неправильным словом или действием). За «*furtum*» вор мог преследоваться по суду (гражданским или уголовным). В случае гражданского разбирательства, вещь могла быть восстановлена или заменена штрафом в размере ее стоимости. Римский уголовный закон в некоторых случаях даже предусматривал высшую меру наказания за данные преступления. Юстиниан отменил высшую меру наказания для воровства и заменил ее штрафом или изгнанием. Разбой (*rapina*), подобно «*furtum*», требовал такого условия, как преступное намерение – то есть умысла в его совершении. В случае же, когда законный владелец, у которого украли вещь, разыскивал украденную вещь, но возвращал ее незаконными способами с применением насилия, это не считалось грабежом, но считалось нарушением против общественного порядка и было наказуемо. Хулиганство или вредительство (*injuria*), из-за которого произошел ущерб свойству вещи было предметом Аквиллиева Закона (*Aquilian Law*) и ущерб должен быть причинен «freeman» – свободным человеком; если рабом – это было вредительством (*noxa*), то есть нарушением законных прав; если четвероногим животным, то нарушение законных прав и ответственность при этом были обозначены как «*pauperies*» (букв. – «обнищание») ³.

Что касается вины, то она присутствовала при несоблюдении того поведения, которое предписано правом. Формулировалось это положение со следующих позиций, зафиксированных в Дигестах: «Нет вины, если соблюдено все, что требовалось» ⁴ (см. рис. 1).

³ Joseph I. Kelly. Roman Law. The Catholic Encyclopedia, Volume IX, 2003. New York: Robert Appleton Company, 1910. [Online] Available from: URL: <http://www.newadvent.org/cathen/09079a.htm> (Accessed: 28.06.2020).

⁴ Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1996. С. 349.

DIGESTORVM
SEV PANDECTARVM
LIBRI QVINQVAGINTA
EX FLORENTINIS
PANDECTIS RE

PRÆSENTATI.

AG

FLORENTIAE

In officina Laurentii Torrentini DVCA LIS Typographi.

M D L I I I

*Cum Summi Pontif. Caroli V. Imp. Henrici II. Gallorum Regis, Edwardi VI.
Angliae Regis, Cosmi Medici Ducis Florent. II.
Privilegio.*

Рис. 1. Дигесты Юстиниана (титульный лист издания 1553 года) (источник изображения: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Digesta_1553.jpg)

В римском праве «вина (culpa) распадалась на умысел (dolus) и небрежность (negligentia)»⁵.

Dolus или злой умысел – присутствовал, когда человек осознавал противоправность совершаемого им действия (бездействия), предвидел наступление негативных последствий и полностью желал их наступления, то есть человек видит результат своих действий (бездействий) в качестве цели наступления нужных ему и не желаемых для другого последствий. Совершенно однозначно установлено было положение о том, что «умысел всегда вел к ответственности, и ее нельзя было устранить. По мнению Цельза недействительно соглашение об устранении ответственности за умысел (Дигесты 50.17.23)»⁶.

При этом «если действующее лицо, нарушая чье-либо право, однако, руководилось не корыстными целями, а похвальными побуждениями (например, некто развязал, отданного ему на сохранение раба и тот убежал), то римляне не считали возможным признавать такой поступок за dolus»⁷.

Вина в форме небрежности (неосторожности) определялась римскими юристами так: «Вина имеется налицо, если не было предвидено то, что заботливый мог предвидеть» (Дигесты 9.2.31)⁸.

«Другими словами, тот действует неосторожно, кто не обдумывает своих действий с той степенью заботливости, применения которой право требует от него в данном случае»⁹.

В случаях, когда одна из сторон перенесла затруднение в исполнении обязательства без ее собственной вины, наступала гражданская реституция, то есть «pretorian restitutio», в «integrum» было равноправное восстановление сторон к их прежней ситуации, и могло это произойти по причине «metus» (принуждения к определенным действиям), dolus (умысла) и т.п.¹⁰.

Новаторством римских юристов являлось то, что они обозначили фигуру абстрактной (гипотетичной) личности – «bonus paterfamilias», как мерило, критерий для оценки поведения реального, неабстрактного субъекта, нарушившего обязательство. Наряду с ней существовала и другая фигура абстрактной личности – субъекта, относящегося к делам с обычной заботливостью, как этого требует природа людей.

В. М. Хвостов указывал, что «степень заботливости, которую право требует от действующего лица, определяется в разных случаях по различным масштабам и в различных границах. В частности, применяются два основания для определения должной меры заботливости: абстрактный и конкретный»¹¹.

Абстрактный масштаб характеризуется тем, что от человека требуется проявление той степени заботливости и осмотрительности, какую при обычных условиях проявил бы всякий обычный, разумный человек, иначе говоря, всякий «средний человек». Отсутствие этих условий подразумевает в действиях лица наличие грубой небрежности (culpa lata). Грубая небрежность определялась так: «Грубая вина – это чрезвычайная небрежность, то есть непонимание

⁵ Медведев С. Н. Римское частное право. Ставрополь, 2004. С. 130.

⁶ Медведев С. Н. Там же. С. 130.

⁷ Хвостов В. М. Система римского права. М. 1996. С. 192.

⁸ Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1996. С. 349.

⁹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 192.

¹⁰ Joseph I. Kelly. Roman Law. The Catholic Encyclopedia, Volume IX, 2003. New York: Robert Appleton Company, 1910. [Online] Available from: URL: <http://www.newadvent.org/cathen/09079a.htm> (Accessed: 28.06.2020).

¹¹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 192-193.

того, что все понимают» (Дигесты 50.16.213.2). Она приравнивалась к умыслу – *culpa lata plane dolo comparabitur*¹². Бывают случаи, когда абстрактный масштаб предусматривает проявление той степени заботливости, осмотрительности и внимательности, какая свойственна хорошему, заботливому хозяину (бережливому хозяину) (*homo diligens et studiosus paterfamilias*, Дигесты 22.3.25). Непринятие этих мер и как следствие наступление правонарушения, составляет следующую степень вины – легкую вину (*culpa levis*). Примечательно, что «разновидностью легкой вины была неопытность (*imperitia*). Цельз писал, что неопытность также причисляется к вине (Дигесты 19.2.9.5)»¹³.

Когда речь идет о конкретном масштабе, имеется в виду то, что от человека требуется проявление той ответственности в чужих делах, какую он проявляет в отношении собственных. В случаях проявления равнодушия к чужому делу, и как результат – наступление негативных последствий, говорят о конкретной вине (*culpa in concreto*)¹⁴.

Интересно и то положение, когда степень вины правонарушителя, в частности в «*injuria*» (вредительстве, хулиганстве), определялась в зависимости от злодеяния (*atrocitas* – дословно «зверства») правонарушителя и состояния сторон¹⁵.

Проводя анализ положений римского частного права о вине, можно резюмировать, что она предстает как субъективная, но в то же время и как объективная категория (категория со смешанным составом формулирования). Об этом говорит анализ Дигест: «Нет вины, если соблюдено все, что требовалось» (Дигесты 9.2. 30.3).

В пользу того, что вине свойственны субъективные признаки, указывают следующие моменты: «<...> известны положения о вине, которые исходили из субъективных, психических позиций правонарушителя. Так, когда римские юристы говорят при определении злого умысла, о хитрости, введении другого в обман (Дигесты 4.3.1.), о возбуждении (противоправным поведением) мысли о причинении смерти, обращении в рабство и т.д. (Дигесты 4.2.3,4), об осознании своего преступления (Гай. Институции, III.208), об отсутствии вины у безумного, поскольку он не в своем разуме (Дигесты 9.2.5), это, несомненно, свидетельство квалификации вины с психологических позиций»¹⁶.

Эти моменты наглядно показывают наличие психической составляющей в природе вины. Но наиболее емко данная точка зрения вытекает из следующей выдержки Дигест: «Вина имеется налицо, если не было предвидено то, что заботливый мог предвидеть»¹⁷. Именно условие данного положения в словосочетании «не было предвидено» говорит о том, что человек только на уровне психики, путем представления (абстрактно) может предвидеть результат своего поведения. Из этого же положения можно вывести то, что незаботливый не мог предвидеть того, что мог предвидеть заботливый, то есть переход из статуса незаботливого хозяина в статус рачительного требует активный психический (волевой) момент.

Так что тезис о том, что психический момент в формулировании вины неприемлем¹⁸, здесь противоречив, и определение вины с учетом психической своей составляющей имеет, по крайней мере, право на существование. Но вопрос здесь состоит в том, насколько можно расширить психический компонент в объеме этого понятия? Максимально, как этого придерживались советские цивилисты, или же вообще его исключить из определения вины, на чем

¹² Медведев С. Н. Указ. соч. С. 130.

¹³ Медведев С. Н. Там же. С. 130.

¹⁴ Хвостов В. М. Там же. С. 192-193.

¹⁵ Joseph I. Kelly. Roman Law. The Catholic Encyclopedia, Volume IX, 2003. New York: Robert Appleton Company, 1910. [Online] Available from: URL: <http://www.newadvent.org/cathen/09079a.htm> (Accessed: 28.06.2020).

¹⁶ Бычкова Г. П. Развитие положений римского частного права о вине в российском гражданском праве // Сибирский юридический вестник. 1992. № 2 (5). С. 35-39.

¹⁷ Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1996. С. 349.

¹⁸ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. М: Статут. 2002.

настаивают некоторые современные граждановеды, приводя собственные конструкции данного понятия.

Значение положений римского частного права вообще, и о вине, в частности, нельзя переоценить. Наблюдаемая в историческом плане преемственность положений римского частного права в дореволюционном праве, праве советского периода и современном гражданском законодательстве, указывает на универсальность и практическую востребованность норм римского частного права.

Дореволюционное гражданское право, несомненно, сохранило данную тенденцию в преемственности основных положений из римского частного права посредством рецепции его основных положений, получивших свое закрепление в правовых системах романо-германской правовой семьи. Приведем мнения видных цивилистов того периода касательно вины. Вот как высказывался о правонарушении и вине Г. Ф. Шершеневич: «Действие представляет собой выражение воли с точки зрения юридической, – воли зрелой и сознательной. Поэтому в основании гражданского правонарушения лежит вина, все равно умышленная или неосторожная. Если лицо, причинившее вред, не желало бы такого последствия, не могло и не должно было предвидеть возможности его наступления, то нет вины с его стороны, а есть один только случай. У подъезда спокойно стоит запряженная лошадь. Мимо проходит батальон и, поравнявшись с экипажем, ударяет в барабаны. Испуганная лошадь сразу бросается в сторону и наносит увечье стоявшему недалеко отцу семейства. Со стороны хозяина лошади не было допущено ни малейшей неосторожности, а потому он и не может считаться ответственным за происшедший вред»¹⁹. Г. Ф. Шершеневич весьма ясно дает понять, что источником любого осознанного действия выступает воля, но воля юридическая, то есть воля, которая осознает и подразумевает определенные правовые последствия и, само главное, осознание самим «субъектом воли» таких правовых последствий – «воли зрелой и сознательной», – как пишет Г. Ф. Шершеневич. В примере, приведенном граждановедом выше, представляется, что если бы лошадь не была запряжена в экипаж, а скажем, некто приехал на ней верхом, и, забыв ее привязать, удалился по делам, то можно говорить о неосторожности самого хозяина лошади.

Г. Ф. Шершеневич выступал ярким критиком таких сторонников, которые отрицали необходимость наличия вины для установления обязанности возместить вред, и выдвигавших на место принципа вины принцип причинения²⁰. Согласно этому принципу, чтобы человека привлечь к ответственности, достаточно присутствия причинной связи между действием и негативными последствиями такого действия (ущерб, вред). Вина здесь не играет вообще никакой роли. По Г.Ф. Шершеневичу эти положения, которые не учитывают вину, приводят к ситуациям, когда одно лицо находится в более выгодной позиции по сравнению с другим (в результате правонарушения) из-за своего имущественного положения; к тому же как указывает цивилист, не во всех случаях вред причиняется действием, потому что действие есть выражение воли, а о воле не идет речь при случайных обстоятельствах²¹.

Разработчики проекта Гражданского Уложения (далее – проект ГУ) предлагали выделить неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства как основание привлечения к ответственности, не упоминая, однако при этом в качестве такого основания или условия вину. Статья 123 II Отделения данного уложения гласила: «Должник отвечает за убытки, причиненные верителю неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, если не докажет, что неисполнение обязательства вполне или в части сделалось невозможным вследствие такого события, которого он, должник, не мог ни предвидеть, ни предотвратить при той осмот-

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С-Пб., 1907. С. 571-572.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 572.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 572-573.

рительности, какая требовалась от него по исполнению обязательства»²². Представляется, что сочетание слов «при той осмотрительности» и ее не проявление в обязательстве, предполагалось авторами проекта ГУ в качестве, собственно говоря виновного поведения. Однако сделано это было в нормах проекта ГУ в какой-то завуалированной форме.

Основанием освобождения от ответственности согласно ст. 123 проекта ГУ являлось наличие лишь случайное событие, то есть, заключаем, что лицо освобождается от возмещения ущерба, если он произошел из-за случая, а все другие события, из-за которых произошло неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, считаются виновными.

Отдельным положением, исключаящим вину, в проекте ГУ также являлась непреодолимая сила (ст. 125): «Если на должника законом возложена обязанность крайней заботливости или принятие особых мер предосторожности, вызываемых свойством его деятельности или предприятия, то он не отвечает за исполнение или не надлежащее исполнение обязательства лишь в том случае, если оно произошло от непреодолимой силы»²³.

Можно весьма определенно заключить, что положения об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, содержащиеся в проекте ГУ, носили безусловный характер и не разрешали расширить круг возможных вариантов неисполнения обязательства: все обстоятельства кроме непреодолимой силы и случайного события, подразумевали вину должника и его ответственность; фактор вины прямо в проекте закона не указывался.

В отношении субъективного отношения к правонарушению, то дореволюционные российские цивилисты придавали значение этому условию через чур с узкой точки зрения. «Что же касается психических аспектов вины, то российские цивилисты говорили лишь о психическом состоянии нарушителя, имея в виду его вменяемость или невменяемость»²⁴, о чем определенно высказывался и Г.Ф. Шершеневич, являясь одним из немногих представителей последовательного анализа вины как субъективной психологической категории. Либо вина, как психическая составляющая действий правонарушителя, выраженных в форме умысла или неосторожности, вообще не принималась в расчет (проект ГУ от 1913 года).

Советской цивилистике принадлежит роль разработки концепции вины, основанной на психическом аспекте ее формулирования.

Принцип вины впервые получил свое законодательное закрепление в именно в период советского социалистического гражданского права. Так, в соответствии со ст. 222 Гражданского кодекса РСФСР от 1964 г.: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотренных законом или договором. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство»²⁵.

Господствующими в доктрине гражданского права того периода считались точки зрения Г. К. Матвеева и О. С. Иоффе, которые в обобщенном виде выглядели следующим образом: вина – это психическое отношение лица к своему поведению и к наступившим последствиям в форме умысла или неосторожности²⁶.

Кстати сказать, именно такое определение вины можно встретить до сих пор в подавляющем количестве гражданско-правовой литературы, увидевшей свет за последнее время с периода принятия нового гражданского законодательства.

²² Герценберг В. Э., Перетерский И. С. Обязательственное право. Книга IV ГУ. Проект, внесенный 14.10.1913г. в ГД. С-Пб., 1914. С. 19.

²³ Герценберг В. Э., Перетерский И. С. Там же. С. 19.

²⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 735.

²⁵ Статья 222 Гражданского кодекса РСФСР от 1964г. // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.05.2020).

²⁶ См.: Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955. С. 178.; Иоффе О. С. Обязательственное право. С. 128.

Итак, чем же было вызвано в советской цивилистике становление концепции вины через психическое отношение лица к своим действиям? Как один из факторов этого считаем, что реалии того времени требовали, чтобы наука в целом и, в частности, гражданское право, подстраивались под систему социалистической идеологии. На действие такого идеологического фактора на частноправовые институты ссылается и В. В. Витрянский²⁷. Анализируя причины и методологические основы формирования психической концепции вины, мы неизбежно наталкиваемся на ее зависимость от идеологических начал и искусственную подгонку под социалистические общественные отношения, провозглашенные в советском государстве. Такой подход был свойственен как гражданско-правовой науке, так и в целом всем остальным наукам. Как писал Г. К. Матвеев и что показательно в этом плане: «Наука гражданского права вскрывает научное содержание понятия вины. Основа его – марксистско-ленинская философия (выдел. авт.), ее теория познания, принципы советской психологии, вооружающего советского судью самыми совершенными методами распознавания общественных явлений, установления причин, их порождающих»²⁸. Без сомнения, показательный пример того, как порой наука может находиться в услужении идеологии.

Но сейчас, в современную эпоху, тем более в условиях рыночной экономики, говорить о марксистско-ленинской философии, как основе научного содержания гражданского права и всех остальных наук в целом, по меньшей мере, не актуально и обоснованно. Если в период советского государства марксистско-ленинская философия считалась неотъемлемым атрибутом всего народа, призванной заменить религию, то современное время и общество обозначили свои приоритеты в этом вопросе. Реалии современной жизни человека в обществе и отношений его с государственными институтами обозначены демократическими свободами, рыночной экономикой и провозглашением ценности абсолютных свобод (свободы религии, слова или убеждений, собраний, объединений и т.п.). К слову сказать, обозначенный аспект проблемы никоим образом не умаляет научной ценности изысканий советской цивилистики, однако, думается, что наша критика идеологических позиций в исследовании вины обоснована потребностью в новых подходах, поиске новых решений в определении вины из-за сменившихся общественных отношений, да и идеологии в целом. Другими словами, формулировки вины и ответственности не должны зависеть, от сменяющихся идеологических факторов (хотя полностью отрицать «историчность» данного явления и ответственности в целом, мы и не можем), а должны отвечать сущностной составляющей данного явления.

Выходит, что необходимо сфокусироваться на некой интегрирующем аспекте, положении вокруг которой строилось бы решение обозначенной проблемы, при учете соответственно реалий существующего времени. В советский период развития гражданского права таким интегрирующим фактором была социалистическая идеология, и в этом можно сказать и состояла закономерность подхода советских цивилистов к определению вины через доминирующую психическую концепцию. В современном гражданском праве, думается, что таким фактором выступают имущественные отношения между субъектами гражданского права, опосредованные свободной волей, волеизъявлением и интересами.

Но встает вопрос: обоснованно ли полное исключение психических аспектов в определении вины, сторонниками чего является, к примеру, В. В. Витрянский? Допустим, что лицо не исполняет, либо ненадлежащим образом исполняет обязательство. Само собой разумеется, что это неисполнение имеет конкретную временную характеристику (дни, недели, месяцы), то есть, обозначено не моментальным действием, а имеет свойство продолжаться в течение определенного количества времени. Тогда получается, если полностью отвергать психическую составляющую этого процесса, что субъект (имеется ввиду физическое лицо) в этот временной

²⁷ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 739-751.

²⁸ Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 182-183.

промежуток «отключен» от собственной психики, то есть он не испытывает никакого субъективного отношения к своему неправомерному поведению (эмоций, стыда, чувства вины и т.п.). Но такое, конечно же, невозможно, как невозможно и то, что человек выступает неактивным волевым субъектом действия (бездействия).

Так что об исключении психической составляющей в процессе формулировки вины речи не идет по определению, важно обозначить объем ее присутствия. Выше указывалось, что в трактовках вины советских цивилистов, психическому аспекту уделялось максимальное внимание, которое сродни трактовке вины в уголовном праве. Но в уголовном праве такое внимание к психической составляющей вины продиктовано самой личностью преступника, как общественно-опасного индивида, представляющего, возможно, угрозу остальным членам общества, а в гражданском праве в отличие от уголовного на первый план выходит не личность правонарушителя (и его психическое отношение к действиям), а результат самого действия, его негативные последствия. Это подмечает и М. И. Витрянский: «<...> Г. К. Матвеев принимает понятие уголовной вины, предложенное А. А. Пионтковским, который утверждал, что – это "умысел или неосторожность лица, выраженные в деянии, опасном для основ советского строя или социалистического правопорядка, и осуждаемые, поэтому социалистическим законом и коммунистической нравственностью". Хотя уже из этого определения понятия уголовной вины очевидна его принципиальная неприемлемость для гражданского права: ведь главным в уголовной вине являются моменты, опасные для общества, а потому осуждаемые государством. И именно для определения степени опасности преступника для общества (и только для этого!) необходимо уяснение, каково же его психическое отношение к совершенному преступлению и его последствиям. И как раз в этом смысле уголовная вина не имеет ничего общего с понятием вины в гражданском праве»²⁹. С данной позицией цивилиста мы полностью солидарны.

Между тем, нужно указать, что не все советские цивилисты придерживались психической концепции вины, заимствованной из советской уголовно-правовой науки. В частности, одним из них выступал М. М. Агарков – ученик Г. Ф. Шершеневича. Он определял вину через «умысел или неосторожность лица, обусловившие совершенное им противоправное действие»³⁰. М. М. Агарков продолжает: «Когда мы говорим о вине причинителя, мы имеем ввиду соединение двух элементов: 1) правонарушения и 2) умысла или неосторожности. Без правонарушения нет вины, так как налицо правомерное действие. Без умысла или неосторожности также нет вины, а есть лишь голое причинение (случайно причиненный вред). В статье 403 (ГК РСФСР от 1922 г.) оба элемента понятия вины выражены достаточно отчетливо, хотя и в отрицательной форме. Статья 403 указывает, что причинитель освобождает себя от обязательства возместить причиненный вред, доказав, что он был управомочен на причинение вреда (отсутствие правонарушения), либо что он не мог предотвратить вред (отсутствие умысла или неосторожности). Такое содержание понятия вины причинителя установлено в виду определенной цели. Эта цель – ответственность перед потерпевшим. При наличии указанных двух элементов, то есть при наличии вины, закон устанавливает по общему правилу ответственность причинителя перед потерпевшим. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов ответственность наступает не по общему правилу, а лишь в специально указанных в законе случаях»³¹.

Как можем видеть М. М. Агарков говорит о наличии вины по общему правилу при совокупности противоправности с умыслом или неосторожностью. Представляется, с практической точки зрения, такой подход весьма оправдан и эффективен, то есть непосредственно облег-

²⁹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 749.

³⁰ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 145.

³¹ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. С. 252-253.

чает задачу судов в процессе установления вины и привлечения субъекта к юридической ответственности.

Генезис вины и ответственности предусматривает выявление закономерностей, свойств и функций развития в контексте ее историчности как социального явления. Выше рассматривались положения о вине, которые существовали в римском праве, дореволюционном праве России и в праве советского периода. Между тем вине и ответственности свойственно рассмотрение и исследование не только с позиций юридической науки. Они являются предметом изучения, прежде всего, психологической науки, а также философии и социологии. Анализ вины и ответственности как психосоциоэтических категорий приводится в следующей части настоящей работы.

§ 2. Социальные и психолого-философские критерии как первичные составляющие содержания вины и ответственности

Вина и ответственность как полинаучные категории предполагают их изучение с позиций разных наук, таких как: юриспруденция, психология, философия, социология. Ведь в конечном счете человек, как «носитель» вины является существом психическим, в плане его сущностной психической деятельности и существом социальным, в плане необходимости межличностного взаимодействия между людьми в социуме. Не принимать во внимание при правовом анализе исследуемой категории такие моменты не представляется возможным.

Вина – не есть ответственность и ответственность – это не только вина, хотя это и взаимосвязанные научные категории, но они не тождественны.

Категория юридической ответственности опосредована категориями правонарушения. В свою очередь, учитывая сложный характер понятия правонарушения, оно формулируется некоторыми учеными как сложносоставное явление, включающее в себя ряд факторов: экономический, психологический, юридический, информационный, социальный и биологический ³².

Научное обоснование вины, как необходимого условия ответственности, определяется учением о детерминации человеческого поведения и свободе воли. Под детерминацией понимается предопределенность человеческого поведения, его действий объективными закономерностями развития общества, а также совокупностью конкретных социальных условий и субъективных факторов.

Вместе с тем, объективная и субъективная обусловленность человеческого поведения не исключает возможности выбора в конкретной ситуации различных вариантов поведения. Не вызывает сомнения тот факт, что «человек производит выбор линии поведения под влиянием как внутренних (психологических), так и внешних (социальных, физических и др.) факторов. Меры социального контроля, нормы права и морали также входят в число тех обстоятельств, которые подлежат учету и анализу при принятии решения. Если человек в состоянии сделать выбор, он ответственен за него» ³³. Вина проявляется в таких ситуациях, когда у человека была возможность выбирать из нескольких вариантов поведения, но был выбран именно противоправный вариант, который, естественно, предполагает ответственность правонарушителя. То есть, сначала необходимо создать субъекту свободные условия выбора линии поведения, самостоятельность, а потом, в случае отклоняющегося поведения привлекать его к ответственности. Другими словами, человек должен нести ответственность, если из имеющихся вариантов поведения, он прибег к противоправным методам поведения, вследствие чего нарушил права и причинил ущерб, хотя мог и избежать таких последствий, в случае выбора правовых вариантов поведения (см. рис. 2).

³² См.: Малейн Н. С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. – 192 с.

³³ Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / по ред. Н. П. Дубинина, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцева. М., 1989. С. 95.

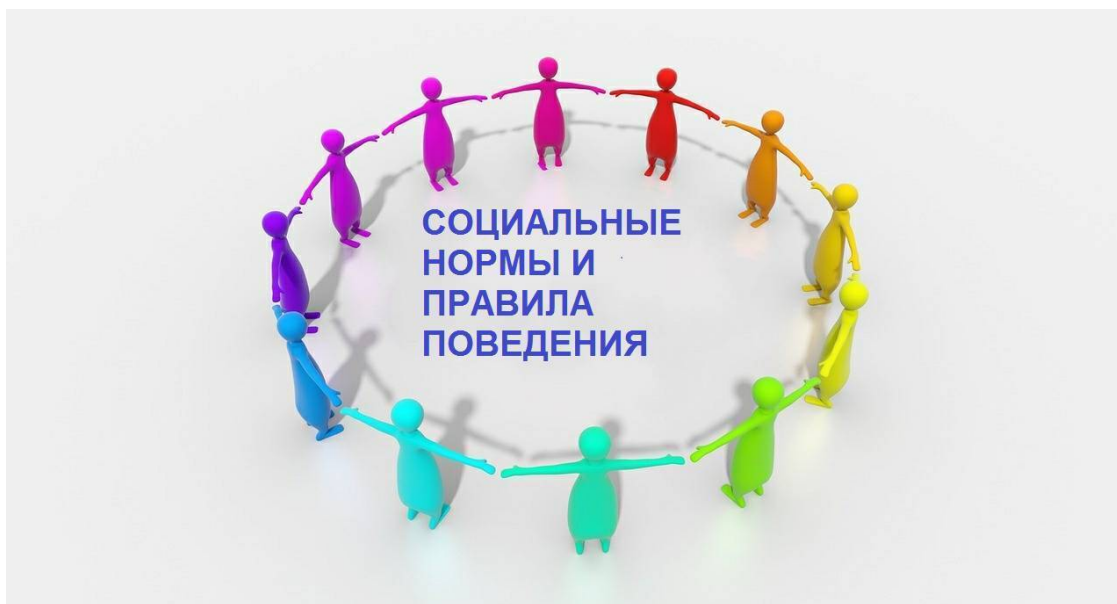

Рис. 2. Социальные нормы и отношения между индивидами
(источник изображения: <https://pixabay.com/ru/illustrations/семь-люди-бизнес-команда-1722861/>)

К тому же нужно указать, что выбор человеком правомерных, или наоборот, противоправных вариантов поведения предполагается, что априори происходит совершенно сознательно и добровольно.

Ученых-исследователей привлекает, прежде всего, установление факторов принятия человеком девиантной модели поведения. Причины, по которым субъект действия выбирает противоправные варианты поведения, различны. Наиболее полную картину таких причин иллюстрируют так называемые теории девиантности и преступности: экономическая теория девиантности, теория неоднородности и изменчивости нормативно-ценостной системы общества, теория социальной дестабилизации, теория стигматизации. Рассмотрим вкратце их главные положения.

Экономическая теория девиантности соединяет в себе теорию экономической депрессии, теорию экономической экспансии, теорию социального сравнения. Центральная мысль данной теории состоит в том, что «как в периоды экономического спада, так и в периоды подъема люди разделены на бедных и богатых. Бедные вынуждены удовлетворять свои витальные потребности нередко противозаконными способами. Конечно, богатые тоже совершают преступления, но их девиантность обусловлена не объективной нехваткой средств существования, а такими пороками, как жадность и стяжательство, необузданное стремление к обогащению и увеличению своей власти над другими»³⁴.

Без сомнения, в любые времена общество состоит из разных слоев, социальных категорий. В нем выделяют, грубо говоря, три основных прослойки: бедные, средний класс и богатые. Когда удельный вес бедной категории людей преобладает в обществе, свойственно говорить о системных проблемах (начиная от экономических и заканчивая духовно-нравственными) в государстве. Наличие в структуре населения среднего класса на уровне примерно от 30 % (эти данные варьируются в сторону уменьшения или увеличения) – это показатель нормального развития и общества, и государства. Наличие в структуре общества среднего класса важно с той точки зрения, что те ресурсы (в первую очередь, финансовые), которыми располагает сред-

³⁴ Шипунова Т. В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 109.

ний класс обеспечивают «достойное» качество жизни, в связи с чем, эта прослойка общества отличается более высокой социальной и финансово-экономической устойчивостью к различного рода потрясениям, в том числе и к экономическим кризисам, происходящим в современном мире. И напротив, минимальная доля или практически полное отсутствие среднего класса в обществе является фактором высокого социального напряжения между остальными двумя классами – бедными и богатыми.

Данное социальное неравенство, опосредованное наличием в обществе бедных и богатых, рождает социальную несправедливость, реакцией на которую является противоправное поведение субъектов, считающих себя ущемленными в обществе, в котором живут, точнее, по их мнению, существуют.

Теория субкультур, социально-психологический вариант теории контроля, частично теория аномии Дюркгейма объединены в одну общую теорию неоднородности и изменчивости нормативно-ценостной системы общества. Не слишком вдаваясь во все подробности и перипетии данной теории, укажем, что главная ее идея состоит в том, что «единая культура общества раздроблена на противостоящие друг другу субкультуры, задающие людям совершенно разные ментальные и поведенческие ориентации и стандарты. Это обстоятельство и выступает главным конфликтогенным и девиантогенным фактором в обществе. Но субкультурная раздробленность общества во многом сама является следствием социальной несправедливости, разделяющей людей на группы и страты с несовпадающими ценностно-нормативными системами»³⁵.

Теория социальной дестабилизации показывает, что общество в состоянии стабильности находится не всегда. Существуют периоды в его развитии, когда в силу многих факторов, происходит дестабилизация общества, из-за чего государственные и социальные институты не могут осуществлять в полной мере контроль поведения отдельных личностей, так и социальных групп. А они (отдельные индивиды и социальные группы), наблюдая данные противоречиями системы государственных и социальных отношений, девиантно реагируют на данную ситуацию.

Ярким примером тому является чеченское общество, которое на всем протяжении своей истории претерпевало разные катаклизмы и негативные состояния. Начиная с периода Кавказской войны (с 30-х годов и до второй половины XIX века), и, заканчивая трагическими событиями 90-годов XX века чеченское общество (нация, народ) постоянно находилось (за исключением тех немногих периодов, когда не было войн, голода и разрухи) на грани выживания, порой стоял вопрос о его дальнейшем физическом существовании как этноса. Конечно же, при таком положении дел отдельным индивидам свойственно было выходить на путь девиантного поведения и то, еще большой вопрос, чем они руководствовались при этом. Однако, данные единичные случаи не должны были становится причиной коллективной ответственности всего народа. История чеченцев знает много случаев такой ответственности: сжигание целых сел (аулов) в период Кавказской войны, так называемое «повальное раскулачивание» и ссылка в Сибирь во времена сталинских репрессий, депортация в Казахстан и Киргизию чеченцев и ингушей в период Великой Отечественной войны, когда на фронтах этой войны долг Родине отдавали порядка 50 тыс. вайнахов. Такое несправедливое отношение власти в тот период также служило причиной девиантности поведения отдельных представителей населения.

Нужно сказать, что первопричиной социальной дестабилизации, ведущей к девиантному поведению, также выступает социальная несправедливость. Подобные явления мы склонны наблюдать в современное время и на территории отдельных государств постсоветского пространства.

³⁵ Шипунова Т. В. Там же. С. 110.

Рассматривая теорию стигматизации, исследователь наталкивается на некоторые теоретические затруднения, однако они «исчезают, если стигматизацию определить, как несправедливое навешивание позорящего ярлыка на человека или определенный вид поведения, что, как представляется, более соответствует глубинной сути обсуждаемых теорий, да и языковой интуиции рядового человека. Объяснительный потенциал концепции стигматизации можно использовать при описании процесса воспроизводства преступности, протекании девиантной карьеры, возникновении социально-неадекватных норм и их влиянии на уровень девиантности в обществе, «системного насилия» и т.д.»³⁶. Другими словами, социальная несправедливость, порождаемая государственными и социальными институтами, трансформируется в правонарушения представителей социума. И оттого, насколько девиантно общество, можно судить и о законности, и справедливости социальных и государственных институтов. Теорию стигматизации пропустила буквально «через себя» и чеченская нация в новейшее время в силу известных трагических событий 90-х годов прошлого века. Пожинать плоды такого «ярлыкового» отношения к целому народу продолжает и новое поколение людей, выросших на руинах разрушенной, но не сломленной нации.

Несмотря на разные подходы, все эти теории объединяются в рамках одной концепции – концепции социальной несправедливости. Именно социальная несправедливость порождает противоправное поведение – поведение, отклоняющееся от нормального. Противоправное поведение, то есть поведение, нарушающее нормы права (уголовного, гражданского, трудового и др.) материализуется в печальной статистике совершаемых год от года преступлений и проступков. К слову сказать, «в России наблюдается постоянный рост уровня преступности. Если в 1985 г. уровень общей преступности на 100 тыс. населения составлял 989,8, то в 2000 г. – 2018,2; многие исследователи объясняют это явление аномией, то есть отсутствием адекватного законодательства, регулирующего экономические, социальные, политические отношения между гражданами и социальными институтами. Резкий скачок преступности в 1999 г. объясняют реакцией на ухудшение экономического положения, социальную и политическую нестабильность после дефолта 1998 года»³⁷. К примеру, если взять статистические данные уровня преступности по СКФО, в частности, по Ставропольскому краю, то они не противоречили показателям динамики преступности, указанной выше, в общем по всей стране. Так, если в 1993 году в Ставропольском крае было зарегистрировано 36 623 преступления, то в 1999 году – 48 214, то есть рост в процентном соотношении к уровню преступности 1993 года составлял 131,6%; если в 1994 году количество преступлений на 10 тысяч населения составляло 131,4, то в 1999 году – 179,7³⁸.

Начиная с 2014 г. и по 2018 г. в России наблюдалась тенденция к снижению уровня преступности. Так, по данным с официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) в России в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. населения уровень преступности составил 1500, 2, а на период 2018 г. этот показатель был 1355, 8 (снижение на 9,6 %). Если брать статистику по СКФО, получим следующие данные: в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. уровень преступности составлял 726,7, а на период 2018 г. такой показатель составил уже 712,4, то есть фиксируем относительно небольшое снижение уровня преступности по СКФО на 1,9 %. И, наконец, если возьмем данные по административному и географическому центру СКФО – Ставропольскому краю, то выглядеть они будут следующим образом: если в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. уровень преступности составлял 1197,9, то в 2018 г. данный показатель составил 1153,4, то есть фиксируем снижение на 3,7 %³⁹.

³⁶ Шипунова Т.В. Там же. С. 111.

³⁷ Шипунова Т. В. Там же. С. 111.

³⁸ Ваничкин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): дисс. ... кандид. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 55, 83.

³⁹ Данные официальной статистики по уровню преступности в РФ // Электронный ресурс // <https://www.fedstat.ru/>

Данные статистики показывают, что уровень преступности волнообразно меняется в зависимости от складывающейся внутри страны и за ее пределами конъюнктуры: в годы различных катаклизмов (финансовый кризис, политический кризис, локальные конфликты и т.д.) уровень преступности стремится вверх и, наоборот, в годы «затишья» количество преступлений, регистрируемых ежегодно тоже сокращается⁴⁰. Учитывая скалывающуюся в последнее время в России, сложную экономическую конъюнктуру (как на внутренней, так и на внешней арене), все еще продолжающийся мировой кризис (в том числе и кризис экономики России, находящейся под давлением международных санкций), принимая в расчет и продолжающуюся пандемию коронавируса, можем спрогнозировать что уровень преступности в России как минимум в ближайшей перспективе обратно будет стремиться к росту.

Наличие противоправного поведения предполагает наступление ответственности. Предпосылкой же ответственности изначально является девиантное поведение, хотя была возможность выбора, некоторой линии поведения (правомерного) из имеющейся альтернативы. Всякий выбор есть поступок, то есть подразумевает действие. Продиктовано действие индивидуума внутренними императивами личности, его жизненными принципами и необходимостью. Следовательно, предпосылкой правового поведения человека является его внутренняя, нравственная конституция, его внутреннее «Я», которое сформировалось до той степени, что является регулятором психической, а на основе психической, также и практической, деятельности личности. Ибо практическая деятельность личности есть результат отражения психических процессов индивидуума.

Таким образом, модель поведения человека всегда предполагает возможность выбора. Между тем альтернатива должна быть опосредована фактором свободы воли (сознание, воля, интерес), то есть выбор должен происходить сознательно и добровольно. И если при этих всех факторах и условиях человек допускает и реализует нарушающий права вариант, модель поведения, свойственно говорить о его вине и применении к нему мер ответственности.

Что человек подразумевает, когда упоминает о вине? Что человек испытывает (какие эмоции и чувства), когда претерпевает вину? В обыденных ситуациях вина характеризуется как негативный результат поведения. Если подходить с научной точки зрения, то при попытке дать определение этому понятию, необходимо учитывать, что вина является предметом рассмотрения для многих наук, в частности: права, философии, психологии. Конечно, в нашем случае, наибольший интерес и актуальность вина представляет как правовая категория, тем не менее, общее суждение о вине может сложиться только при условии всестороннего и интегрированного подхода к определению данного понятия.

Давая оценку этой категории, весьма полезно будет отталкиваться и от положений о вине, которые существуют как в психологии, так и в философии. Но, прежде всего, обратимся к толковому словарю В. Даля, в котором вина определяется следующим образом: «Вина – провинность, проступок, прегрешение, а также всякий недозволенный, предосудительный поступок»⁴¹. Как видно вина оценивается по В. Далю с объективных позиций. То есть вина выступает как результат недозволенного поведения, действия. Также об этом говорит и отнесение вины к «предосудительному поступку». Иными словами осуждение человека происходит со стороны другого человека, властных органов, общества в целом.

У С. И. Ожегова в «Словаре русского языка» вина определяется почти также, а именно как «проступок, преступление; причина, источник чего-нибудь (неблагоприятного)»⁴².

indicator/58923 (дата обращения: 23.05.2020).

⁴⁰ Прим.: В рамках данных статистических расчетов не принимается во внимание так называемая «латентная преступность», ибо не имеется достоверных данных по числу таких преступлений, совершаемых в год, в связи с чем уровень латентной преступности в рамках данного исследования отнесен к погрешности вычислений.

⁴¹ Даль В. Толковый словарь великорусского языка, в 4 томах. Т.1. М., 1995. С. 204-205.

⁴² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 71-72.

Нетрудно заметить, что речь здесь идет о противоправном действии. Таким образом, объем понятия «вина» практически полностью отождествляется с понятиями «проступка и преступления». Это означает то, что наличие вины указывает на наличие противоправного действия (проступка или преступления) и наоборот.

Также в Толковом словаре В. Даля сказано, что вина – это повинность, обязанность, долг. «Иногда денежный штраф, виру, пеню зовут виною <...>»⁴³. То есть, если человек находился у кого-либо в повинности, был обязан, а также имел задолженность, то о таком говорили, что виновен.

В вине присутствует активный волевой момент, что объясняет наглядно то, что действие (неправомерное) порождает вину, а действие невозможно без активной воли и волеизъявления индивида. Тут явно прослеживается необходимость психологического подхода в исследовании вины.

Психологическая характеристика вины и ответственности

Буквально с первых лет жизни, с детства человек начинает знакомство с виной и ответственностью. И этот процесс сопровождает его всю его жизнь, до самого конца. Первое наказание от родителей, неудовлетворительная оценка за поведение в школе, игнорирование друзьями и родственниками за плохое поведение и многое другое – есть результат того, поведения, которое не принято, не установлено в качестве нормы в семье, в кругу друзей и родственников, в обществе. Это и есть личная расплата за такое поведение, предполагающая претерпевание индивидом чувства вины и других дискомфортных для него последствий собственного поведения.

⁴³ Даль В. Там же. С. 204-205.

Рис. 3. Знакомство ребенка с виной и ответственностью
(источник изображения: <https://pixabay.com/ru/illustrations/нозор-ребенок-малых-кри-тика-799099/>)

Категории вины и ответственности, несмотря на то, что находят свое характерное воплощение в юриспруденции, явления, все-таки, психологического характера. Как верно подметил в данном контексте П. С. Дагель: «правовые науки не создают отличных от психологии понятий, а только используют их»⁴⁴ – будем исходить из этого посыла ученого, в том числе и при юридическом толковании искомых категорий.

Психологическая наука на первое место ставит ответственность человека перед самим собой, в отличие от юридической науки, где человек (лицо) несет ответственность, в первую очередь, перед обществом и государством. В обществе существует другое понимание ответственности, отличное от такового в гуманистической психологии.

В психологической науке вина рассматривается как разновидность эмоций. Как отмечает К. Изард: «В теории дифференциальных эмоций вина определяется как фундаментальная эмоция, возникающая подобно другим фундаментальным эмоциям в эволюционно-биологических процессах»⁴⁵.

Наиболее общую картину психологического состояния личности невозможно себе представить без эмоционального содержания. Эмоции можно условно разделить на позитивные и не позитивные (негативные). К позитивным относятся: радость, ощущение счастья, чувство влюбленности и т.п. К негативным относятся: стыд, страх, вина. Вина как негативная эмоция

⁴⁴ См.: Рецензия П. С. Дагеля на монографию Б. С. Волкова «Проблема воли и уголовная ответственность // Советское государство и право. 1966. № 8. С. 140-141.

⁴⁵ Изард К. Эмоции человека. М. 1980. С. 370.

имеет долговременную характеристику, то есть она, подобно чувству радости или стыда, не имеет свойства быстро проходить. Тому есть свои причины. Возникновению чувства вины способствуют некоторые внутренние факторы, которые начинают действовать при внешних условиях.

К. Изард указывает, что «в дополнение к естественным активаторам вины каждая культура и каждый социальный институт (семья, религиозная организация и т.п.), связанные с человеческой этикой и моралью, предписывают определенные стандарты поведения, обучая им детей. Эти предписания образуют когнитивный компонент совести. Сочетание его с эмоцией, характеризующее высокое морально-этическое развитие, образует аффективно-когнитивные структуры, которые руководят действиями, лежащими в основе морального и этического поведения»⁴⁶.

Напротив, Эйбл-Эйбесфелд доказывал, что существует биологическая основа для развития этических норм, то есть происхождение и развитие этических стандартов непосредственно связано с биологическим компонентом структуры индивида, и предположил, что детерминантами развития чувства вины и личной ответственности, которые порождаются неправильным поведением, являются генетические процессы в организме.

Осьюбел в своих исследованиях делал упор не на биогенетическую составляющую вины, а указывал на фундаментальное значение вины как регулятора отношений на нравственном и моральном уровне и подчеркивал ее важность в упрочении социальных норм. «Он предложил три психологических условия, которые доминируют в развитии вины: 1) принятие моральных ценностей, 2) усвоение чувства моральной обязанности и верности этим условиям, 3) достаточная способность к самокритике для восприятия противоречий между реальным поведением и принятыми ценностями»⁴⁷.

Причинная обусловленность вины представляется наиболее легкой для объяснения, по сравнению с другими отрицательными (непозитивными) эмоциями. И вот почему. Чувство вины возникает при неправильном действии, поступке. Неправильное действие вызывает такое поведение, которое нарушает моральный, этический, нравственный кодексы. Обычно, чувство вины проявляется при осознании человеком того, что он нарушил некое установленное правило и перешел линию своих собственных убеждений. Также человек может испытывать чувство вины и за бегство от ответственности (см. рис. 4).

⁴⁶ Изард К. Там же. С. 371.

⁴⁷ Цитата Осьюбела в работе Изарда К. Эмоции человека. С. 371.

*Рис. 4. Претерпевание индивидом чувства вины
(источник изображения: <https://foter.com/photo3/black-and-white-image-of-young-woman-sitting-on-bench/> с последующей авторской переработкой)*

Наличие вины предполагает ответственность. Психологическая наука на первое место ставит ответственность человека перед самим собой, в отличие от юриспруденции, где человек (лицо) несет ответственность, в первую очередь, перед обществом и государством. Сообразно этому высказывается и Д. Г. Трунов: «<...> опять же я не хочу сказать, что общественное сознание против такого понятия, как «ответственность». Просто в обществе существует другое понимание ответственности, отличное от такового в гуманистической психологии. В обыденном понимании выражение «ответить за свои поступки» означает «получить возмездие за нарушение чего-нибудь»»⁴⁸.

Думается, что человек должен вырабатывать такие приоритеты линии, модели поведения, которые бы предвосхищали общественную реакцию на то или иное негативное поведение, и которые бы давали анализ той или иной негативной ситуации, прежде всего, на личностном уровне

И если в таком случае доминантой будет выступать внутренняя объективно-критическая оценка своих действий, а лишь потом внешняя реакция (общества, государства, семьи и т.д.),

⁴⁸ Трунов Д. Г. Гуманистическая психология и массовое сознание // Электронный ресурс // <http://hpsy.ru/public/x035.htm> (дата обращения: 23.05.2020).

можно говорить о зрелой и ответственной личности (ответственной – в общепреventивном смысле).

«Личная ответственность в гуманистической психологии не предполагает вину и последующее наказание, подобно юридическому пониманию ответственности; она не связана ни с чувством долга, ни с принятыми на себя обязательствами, ни с данными кому-то обещаниями как это происходит в «житейском» понимании этого слова. «Психологическая ответственность» означает то, что источником чувств, желаний и действий является сам человек, и выражается в простых формулах: «Я хочу», «Я чувствую», «Я делаю»⁴⁹.

К. Изард отмечал, что «вина возникает в случаях, в которых человек чувствует личную ответственность. Существует тесное взаимоотношение между чувством личной ответственности субъекта и его пороком по отношению к вине. Следует подчеркнуть, что вина возникает так же быстро и часто от упущения, от невозможности поступить определенным образом, как и от свершения, и от реальных чувств, мыслей или действий, нарушающих моральные стандарты»⁵⁰.

Рис. 5. Человек, грех и вина

(источник фото: <https://foter.com/photo3/black-and-white-portrait-of-man-with-headaddress-with-hand-covering-eyes/>)

При исследовании вопросов вины и ответственности наталкиваемся на необходимость разграничения понятий «вина» и «стыд». В противоположность вине стыд может присутствовать из-за действий, не описываемых ни моральным, ни этическим кодексами. Осьюбел называл такое чувство «неморальным стыдом». По его мнению, «неморальный стыд» следует из

⁴⁹ Трунов Д. Г. Гуманистическая психология и массовое сознание // Электронный ресурс // <http://hpsy.ru/public/x035.htm> (дата обращения: 23.05.2020).

⁵⁰ Изард К. Там же. С. 373.

негативной моральной оценки другими людьми действий (поступков), которые для правонарушителя не являются аморальными, и также «неморальный стыд» может возникнуть в случае, когда человек, нарушивший моральные императивы, ставит себя на место стороннего наблюдателя этих действий и мысленно оценивает данное поведение с позиций этого статуса ⁵¹.

Данное положение о разграничении стыда и вины обосновывал и Александер. «В своей работе "Заметки об отношении комплекса неполноценности к комплексу вины" (1938), Александер разграничивает психологию чувства вины и психологию чувства неполноценности, т.е. стыда. В психоаналитической литературе той поры термины вина и стыд использовались как взаимозаменяемые; Александер показал, однако, что они имеют эмоциональное различное содержание и совершенно противоположные функциональные результаты. Чувство вины – это реакция на какое-либо неправильное действие, совершенное или замышленное по отношению к другому, что вызывает стремление получить наказание. Виновный человек, таким образом, ищет наказания; далее, его вина, тормозя дальнейшую агрессивность, имеет парализующий эффект. Такая реакция наиболее наглядным образом просматривается у депрессивных больных, заторможенных и отсталых, обвиняющих себя в греховности. Стыд с другой стороны, – это реакция на ощущение слабости, неумелости, униженности по отношению к другим. Психологическая реакция на стыд противоположна реакции на чувство вины: она стимулирует агрессивность. Чтобы избавиться от стыда, индивид должен доказать, что он не слаб, что он может победить того, кто его опозорил. Стыд – настолько примитивная реакция, что проявляется даже у животных; а чувство вины может возникнуть лишь тогда, когда у индивида развита совесть, то есть, иначе говоря, когда он осознает и принимает моральные ценности своего круга» ⁵².

Как отмечает К. Изард, «чувство вины не зависит от верований субъекта и верности писанным или эксплицитным моральным, этическим и религиозным кодексам. Эти кодексы могут быть имплицитны и возможна их оценка на интуитивном уровне. Едва ли не каждый обладает этическими понятиями, которые руководят его межличностным и социальным поведением, но не очень многие люди все время держат в сознании структуру и детали этих рамок» ⁵³. То есть, на основе этих положений К. Изарда, можно сказать, что движущей силой (источником) вины выступают не внешние условия (писанные и неписанные императивы), а совокупность внутренних положений, преступление которых является сигналом к возникновению чувства вины. Позволим себе не согласиться с данным утверждением автора в силу многих причин и прежде всего, по причине того, что сам человек не может выступать себе цензором, оценивать собственное поведение, не имея представлений о каких-либо нормах, императивах поведения, модели должного образа действий, будь то морально-этический кодекс, нормы закона, установленные государством, религиозные предписания и запреты. Ведь на самом деле, как может индивидуум объективно оценивать свои действия, поступки, вообще собственную линию поведения? Трудно себе представить ситуацию, в которой соблюдалась бы объективность по отношению к собственной линии поведения, допускающей некоторые отступления. И вот еще вопрос: отступления от чего? Трудно быть объективным судьей самому себе. В такой ситуации приходим к выводу, что человек нуждается в определении вопросов вины и ответственности в действии некоего внешнего фактора, регулятора, не суть важно какого именно в контексте данного вопроса, важно его наличие и принятие самим субъектом в качестве абсолютной истины в целях соотнесения своей линии поведения с нормой, идеалом, которые существуют вне личности.

⁵¹ Цитата Осьюбела в работе Изарда К. Эмоции человека. С. 372-373.

⁵² Александер. Заметки об отношении комплекса неполноценности к комплексу вины (1938) // Электронный ресурс // <http://azps.ru/articles/soc/soc164.html> (дата обращения: 20.05.2005).

⁵³ Изард К. Там же. С. 373.

Каждый человек – это особенный, неповторимый индивид, а об особенностях психики и говорить не приходится. Существует научный подход (бихевиоризм), который характеризует развитие личности на основе социально-базисных установок, то есть развитие и деятельность личности неразрывно связаны с социумом, в единстве с обществом (с массой себе подобных). Следовательно, и внутреннее становление личности происходит при непосредственном действии социальных, общественных факторов (институтов). И данной теорией предполагается, что искать причины поступков, которые впоследствии рожают чувство вины у индивида, следует из социальных предпосылок. Это положение бесспорно, но данная позиция не учитывает биологических (наследственность, индивидуальные способности) и индивидуальных (латентных) факторов в становлении и развитии психической составляющей личности.

Чувство вины само по себе является одинаковой эмоцией для всех индивидов, однако существуют различные источники его возникновения, и последствия такого чувства воспринимаются людьми по-разному, но есть наиболее общие черты, признаки сходные во всех культурах ⁵⁴.

Как отмечает К. Изард: «Во многих культурах, если не во всех, существуют жесткие сексуальные табу (например, кровосмешения), которые, будучи нарушенными, вызывают вину. То же самое верно в отношении убийства, особенно члена своей семьи или группы. Кроме того, все культуры обладают некоторыми моральными и этическими стандартами, относящимися к другим сексуальным и агрессивным актам» ⁵⁵.

Весьма интересен в этом аспекте, принцип коллективной ответственности (означающий и коллективную вину), пережитки которого присутствуют до сих пор во многих культурах, в частности у народностей Кавказа. Яркий пример тому – кровная месть. На наличие таких обычаев у горцев Кавказа как кровная месть, гостеприимство, уважение к старшим и др., которые выражают традиции и жизненный уклад, сложившееся на протяжении веков, указывает и Ф. А. Гантемирова ⁵⁶.

На основании этого можно предполагать об обширных связях чувства вины с вышеперечисленными сферами, нежели с другими.

Чувство вины проявляется по-разному. В частности, человек может испытывать сильный невроз. Этому состоянию человека способствуют такие факторы, как страх неодобрения, страх разоблачения, страх осуждения, а также самообвинения. Страх неодобрения – более чем завышенная восприимчивость результата поведения индивида и окружающими ему людьми.

Неадекватный страх неодобрения может слепо распространяться на всех людей или простирается лишь на друзей. Вначале он относится лишь к внешнему миру и в большей или меньшей степени всегда остается связанным с неодобрением других, но может также стать внутренним, то есть из внешнего состояния этот страх постепенно совершает трансферт во внутреннюю человеческую сущность, в его психическую личность, стараясь там поглубже закрепиться. Чем в большей степени это происходит, тем в большей мере неодобрение извне теряет свое значение, по сравнению с неодобрением его собственного «Я» ⁵⁷. Данная ситуация в конечном счете может привести к тяжелым психоэмоциональным нарушениям, чреватаям в конечном счете так называемым раздвоением личности.

Страх разоблачения – чувство боязни, при котором возможно обнаружение негативных действий – в прошлом, и замыслов – в будущем, которые могут отрицательно сказаться на состоянии индивида из-за достоверности этих фактов окружающими людьми.

⁵⁴ Изард К. Там же. С. 373.

⁵⁵ Изард К. Там же. С. 373.

⁵⁶ Гантемирова Ф. А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII в. – первая половина XIX в.): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 93.

⁵⁷ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Т.1. М., 1997.

Страх осуждения – обостренное чувство ожидания раздражения, критики и обвинений со стороны партнера.

Таким образом, чувство вины и сопровождающие его самообвинения не только являются результатом выше перечисленных страхов, но также являются защитой от этих страхов. Они преследуют двойную цель – достичь успокоения и уйти от реального положения вещей. Последней цели они достигают либо путем отвлечения внимания от того, что должно быть скрыто, либо посредством такого преувеличения, что представляет ложными.

Достойна внимания позиция К. Хорни о самообвинении, как о компенсирующем факторе реального поведения. Вот, в частности, что он пишет: «Если человек сожалеет о том, что сделал или не смог чего-то сделать, и поэтому хочет восполнить это или изменить свое отношение, из-за которого так получилось, он не будет погружаться в чувство вины. Если все-таки это происходит, то указывает на его уход от трудной задачи изменения себя. В самом деле, много проще заниматься раскаянием, чем изменить себя»⁵⁸.

Весьма последовательным подходом к определению вины является подход М. И. Еникеева. Он предлагает строить определение вины при учете таких элементов как цель поведения, мотивы, его способы и результаты: «Вина – психическое содержание противоправного действия, выражающееся в несоответствии либо целей и мотивов, либо способов и результатов действия нормам права»⁵⁹. С точки зрения юридической психологии данная формулировка может и отвечает проблематике вопроса, но применительно к общей психологии данный подход страдает узостью объемного содержания.

Представляются интересными исследования Мошера⁶⁰ в области вины. Он доказал, что люди, нарушающие религиозные, моральные, этические принципы, находятся под значительным влиянием реального или будущего внешнего наказания (возбуждающего страх условия) и под влиянием внутреннего наказания (вины). Мошер определял вину как ожидание наказания за нарушение усвоенных стандартов правильного поведения. «Ожидание вины» трактовалось Мошером как функция истории социального научения индивида.

Мошер выделял три составляющих поведения, которое вызывает страх и вину:

- 1) ценности цели;
- 2) силы ожидания, внешне опосредованного наказания (вызывающего страх условия);
- 3) силы ожидания опосредованного собой наказания (вины). Далее, в своих исследованиях Мошер пришёл к выводу, что переживание вины бывает 3 видов: а) враждебная вина (вина возникает на основе враждебных чувств), б) сексуальная вина, в) моральная вина. Эксперименты Мошера привели его к заключению, «что высокая вина (высокая степень) склонна подавлять ситуационные влияния детерминации поведения».

Отсюда видно, что вина представляет весьма сложный многоступенчатый психологический процесс; «вина, как личностная черта (черта вины) и вина, как психологическое состояние (состояние вины) являются реальными психологическими феноменами, влияющими на личность и поведение. Черта вины формируется в аспекте внутренних, индивидуальных установок личности или ожидания опосредованного самим человеком наказания или предвосхищение на нарушение усвоенных норм поведения»⁶¹. То есть вина выступает как регулятор внутреннего состояния личности и поведения ее на межличностном уровне.

Теория психоанализа З. Фрейда, имевшая большую популярность на протяжении всего прошлого века, анализирует поведение личности, в том числе и его ответственность с точки

⁵⁸ Хорни К. Там же. С. 456.

⁵⁹ Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 353.

⁶⁰ Mosher D. L. The interaction of fear and guilt in inhibiting unacceptable behavior. – Journal of Consulting Psychology, 1965, 29, 161-167; Mosher D. L. The learning of congruent and noncongruent social structures. – Journal of social Psychology, 1967, 73, 285-290; Mosher D. L. & Mosher J. B. Guilt in prisoners. – Journal of social Psychology, 1967, 23, 171-173.

⁶¹ Изард К. Указ. соч. С. 395.

зрения сопоставления трех составляющих: «Ид» или «Оно», «Эго» или «Я» и «Супер-Эго» или «Сверх-Я».

«Супер-Эго» или «Сверх-Я» является носителем моральных стандартов, так сказать моральным идеалом личности. «Сверх-Я» выполняет функцию оценщика, цензора поведения, то есть контролирует деятельность «Я». Данная контролирующая деятельность «Сверх-Я» является возможной «подготовкой к суду и наказанию», если нормы «Сверх-Я» были нарушены поведением «Я». Если «Я» примет решение или совершит действие в угоду «Оно», но в противовес «Сверх-Я», то испытывает наказание в виде чувства вины, стыда, укоров совести⁶². Итак, мы обнаруживаем в этой схеме такую функцию «Сверх-Я», как угрызения совести, чувство вины. Как подчеркивал З. Фрейд, «я чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на основании того, что совесть мне этого не позволяет. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за него»⁶³. Совесть изначально формируется в детском возрасте (разумеется, ребенок не осознает в этот период, что есть такое чувство как совесть) из чувства страха перед родителями. Если ребенок повел себя неправильно, по мнению родителей, то он наказывается. Впоследствии у ребенка, который хочет повести себя подобно первому разу, появляется чувство страха, наполненное ожиданием возможного наказания родителя за такое поведение. Будучи в зрелом возрасте человек испытывает угрызения совести за отклоняющееся поведение из-за действия, сформировавшегося «Сверх-Я».

Максимальное действие «Сверх-Я» ярко выражено у меланхоликов. Фрейд отмечал: «В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой, в приступе меланхолии Сверх-Я становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное Я, заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прилива сил, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. Сверх-Я предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному Я, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между Я и Сверх-Я»⁶⁴. То есть, совершенно однозначно З. Фрейд утверждает о тождественности понятий «совесть» и «чувство вины», и что причиной их появления является напряжение между «Я» и «Сверх-Я».

Очень часто при исследовании психической деятельности личности мы можем слышать такое выражение, как «чувство неполноценности». Есть ли связь между чувством вины и чувством неполноценности? Думается, что есть и непосредственная. Если чувство вины – это напряжение между «Я» и «Сверх-Я», то и чувство неполноценности также выражается из отношения «Я» и «Сверх-Я». Данные понятия вообще трудно ограничить друг от друга, «было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности»⁶⁵.

Немаловажна в психической деятельности личности роль «Оно», другими словами «бессознательного». Под «Оно» подразумеваются те явления и процессы психики «Я», оттесненные «Сверх-Я», и таким образом вышедшие из сознательного «Я», на уровень бессознательного – «Оно». Укажем, что данные процессы не исключаются из психики, они только, образно говоря, находятся под «пеленой тумана». Элементы «бессознательного» выявляются при анализе психических заболеваний и сновидений. Характеристика «Оно» представляется очень

⁶² Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону, 2000. С. 60.

⁶³ Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 1-17. L. Frankfurt, 1940. P. 268.

⁶⁴ Freud S. Op. cit. P. 269.

⁶⁵ Freud S. Op. cit. P. 273.

сложной задачей, потому что речь идет об области «бессознательного» в психической деятельности личности. Об этом писал и З. Фрейд: «<...> не ждите, что об Оно, кроме нового названия, я сообщу вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности Я. Мы приближаемся к «пониманию» Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений <...> благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии»⁶⁶. Оно не подчиняется никаким законам логики, не подвластно времени, не соотносится с никакими нормами морали, правопонимания. Другими словами, «Ид» или «Оно» находится на уровне бессознательного и иррационального в неподвластной сфере человеческой психики, выступает противоположностью сознательного, то есть – «Я». Следовательно, к «Оно» не применимы никакие понятия и законы определения, которые могут быть применены к «Я». Если сознательное, то есть «Я», принимает нормы права, логики (всю совокупность сознательной деятельности личности), то бессознательному – «Оно», все это чуждо и «само собой, разумеется, что Оно не знакомо никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль»⁶⁷. Как полагал З. Фрейд единственным принципом, управляющим процессами «Оно», является принцип удовольствия. Наглядным описанием «Я» и «Оно» является следующий пример: отношение «Я» к «Оно» можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между «Я» и «Оно» слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается⁶⁸.

Анализ психики личности начинается с анализа «Я». Далее происходит анализ «Сверх-Я» и «Оно». «Бедному Я приходится нелегко, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если понаблюдать за усилиями Я, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это Я в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха»⁶⁹.

Такие ученые психологии, как Пайерс и Сингер, разработали интересные положения развития вины и стыда согласно психоанализу. Если описать вкратце, то суть их исследований состоит в том, что вина возникает из-за столкновения «Ида» («Оно») и «Супер-Эго» («Сверх-Я»), о чем было указано выше. Стыд, по их мнению, возникает, когда личность осознает, что не может достичь нужных ей результатов, в виде поставленных для себя задач и целей, и ей (личности) приходится жить, так и не реализовав свое «Я» идеальное. Бессознательная, иррациональная угроза, то есть угроза «Оно» («Ид»), которая действует при стыде, – это угроза стать изгоем.

⁶⁶ Freud S. Op. cit. P. 268-273.

⁶⁷ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1989. – 456 с.

⁶⁸ См.: Фрейд З. Там же.

⁶⁹ Фрейд З. Там же.

С другой стороны, вина возникает при пренебрежении признанными ценностями, стандартами поведения ⁷⁰, так сказать при нарушении внутренней моральной конституции, носителем которой является «Супер-Эго». При этом побочным явлением выступает страх, как источник «Ид».

Философская трактовка вины и ответственности

В философии понятию вины свойственно абстрагирование и в большей степени вина в философии рассматривается в контексте ответственности. И вот с чем это связано. Во-первых, и вина, и ответственность в философии выступают как равнозначные категории, присущие личности. Другими словами, в схеме «вина – ответственность» в фокусе внимания находится именно понятие «ответственность», нежели в психологии, где категории вины уделяется первостепенное значение в силу известных причин, установленных выше. Во-вторых, ответственность в философии не представляется возможной в отрыве от виновности человека и наоборот, вина всегда «ответственна» (человек ответственен перед самим собой, перед другими людьми, перед Богом). И, наконец, в-третьих, и ответственность, и вина опосредуются соотношением свободы и необходимости.

Первые системные представления об ответственности как явлении, оказывающем свое известное влияние на жизнь человека в обществе, на межличностное взаимодействие, сложились еще в период Древней Греции. В античности человек рассматривался как существо (дитя) природы и космоса, и соответственно философия была космоцентрична. Для древнегреческих мыслителей основным этическим и правовым понятием в этот период выступала справедливость. Также немаловажное значение, по мнению философов, в характеристике поведения человека, имели такие понятия как: вина, причина, обязанность, долг, грех, проступок, кара, наказание. Родоначальник первой философской системы Анаксимандр объясняет даже движение и развитие материи «необходимостью и справедливостью» ⁷¹. В связи с этим философ делает акцент на следующем утверждении: «...от начала все вещи получают рождение и, согласно необходимости, уничтожение либо определенное время они претерпевают наказание и несут возмездие за взаимную несправедливость» ⁷².

Согласно мировоззрению другого греческого философа – Пифагора «самое мудрое – число». Вся вселенная по Пифагору строилась на числовых началах и их отношениях (сообразно матрице). Числа обладают особыми свойствами. Свойством некоторых чисел выступала также и справедливость.

Демокрит считал, что в людях надо воспитывать чувство долга и совесть. Долг для философа был высшим критерием нравственности. Демокрит высказывал мнение, что не из страха, а из чувства долга человек должен воздерживаться от дурных поступков. И по сей день, очень актуальны и полезны его советы: «дурного и не говори, и не делай, даже если ты один; научись стыдиться себя намного больше, чем других».

Впоследствии, в период средневековья взамен космоцентризма в философии утвердился теоцентризм, который установил «концепцию о предопределенности хода общественной жизни и человеческих поступков богом» ⁷³. В это время утвердилась позиция, что «Бог был началом и концом всего». Вина и ответственность, и наложение их на человека предполагали божью кару за неугодные институтам религии действия и поступки, которые считались гре-

⁷⁰ Изард К. Указ. соч. С. 378.

⁷¹ См.: Цитата Анаксимандра в работе: Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С. 19-20.

⁷² Муздыбаев К. Там же. С. 20.

⁷³ Муздыбаев К Там же. С. 19.

ховными. Только покаянием и смирением, путем обращения к Богу о прощении и искуплении грехов, по мнению церкви, можно было очиститься и заслужить божественную милость.

Новое время обозначило свои приоритеты в философии вообще, и в подходах к ответственности, в частности. Человек теперь стал центром и предметом изучения в философии и в науках. Философия стала антропоцентричной. В это время складывается классическая концепция ответственности. Субъект действия, проступка несет ответственность перед обществом за его негативные последствия (см. рис. 6).

*Рис. 6. Ответственность индивида перед социумом
(источник фото: <https://www.piqsels.com/ru/public-domain-photo-jqfzd> с последующей переработкой автора)*

Именно субъект, вступая в отношения, должен предвидеть последствия своих действий, а это приемлемо при полной его независимости и свободе. В новое время ответственность понимают светским образом в соответствии с юридическим мировоззрением ⁷⁴.

⁷⁴ Канке В. А. Основы философии. М., 2000. С. 154-155.

*Рис. 7. Общественная реакция на негативные последствия действий индивида
(источник фото: <https://pixabay.com/ru/illustrations/включение-группы-2731343/> с последующей переработкой автора)*

Позже некоторые позиции и положения этой концепции пересматриваются, и появляется неклассическая концепция ответственности, которая «ставит вопрос так: сумеете выделить ответственность всякого отдельного человека и подсчитать ее. По результатам подсчета станет ясно, следует ли и в какой степени вознаграждать или же наказывать человека» ⁷⁵.

В новое время появляется также и течение – индетермизм, которое отрицало причинную обусловленность человеческих действий исходя из концепций абсолютной человеческой свободы ⁷⁶.

В западной психологии эти положения выразились в психоаналитической, бихевиористской и экзистенциально-гуманистических концепциях личности.

Согласно бихевиористскому подходу поведение человека определяется своими последствиями. Человеческие действия формируются под влиянием социальной среды, человек полностью от нее зависим; можно предположить, что вина является побочным фактором такого социального действия. Каждой ситуации, продолжают бихевиористы, соответствует определенное поведение, отсюда можно сделать вывод, что виновной ситуации человека будет соответствовать и виновное его поведение. Механизм поведения человека закономерно опосредован действием социальных и биологических факторов. Как справедливо замечают ученые, «биологическое в человеке – всего лишь предпосылка для его социального и духовного развития, то

⁷⁵ Канке В. А. Там же. С. 154-155.

⁷⁶ Муздыбаев К. Указ. соч. С. 20.

есть для того особого качественного явления, которое возникает лишь в условиях общественной практики»⁷⁷.

Экзистенциальные теории предполагают, что каждый неизбежно переживает вину, поскольку не раскрывает всех своих возможностей⁷⁸.

Интерес представляет психоаналитическая концепция ответственности и вины. Согласно классической теории психоанализа развитие ответственности и вины возможно лишь при условии сформировавшейся структуры личности (Ид – Оно, Эго – Я, Супер-Эго – Сверх-Я). Основные положения данной концепции нами были рассмотрены в предыдущей части.

Как мы можем видеть, философия не дает однозначного ответа на вопрос: что такое вина и ответственность?

Таким образом, можем предположить, что вина и ответственность в философии понимаются как категории этики и нравственности, отражающие особое негативное отношение общества к результату негуманного поведения человека, вследствие чего он находится в долгу перед Богом и обществом.

Кроме того, вина выступает, как явление психологическое и социоэтическое. Лишь после этого она «приобретает» свою правовую «окраску». Следовательно, приводя дефиниции вины в праве (неважно, в уголовном или гражданском), мы должны исходить из учета психосоциоэтических критериев в ее определении, то есть учета таких моментов в конструкции вины, как: психическое, либо волевое отношение к чему-либо и т. д. Игнорировать данные моменты не представляется возможным.

⁷⁷ Генетика, поведение, ответственность ... С. 333-334.

⁷⁸ Изард К. Эмоции человека. М., 1980. С. 397.

§ 3. Понятие и соотношение категорий воли, волеизъявления и интереса

Несмотря на психологическое содержание понятий «воля», «волеизъявление» и «интерес», все же, они имеют известное юридическое значение. Точнее, не столько сами эти понятия, а процесс и результат действий субъектов, опосредованных ими, которым дается соответствующая юридическая оценка. Тем не менее, при исследовании указанных категорий будем отталкиваться от их психологической природы, так как их носителем является человек, в первую очередь, как субъект психики, действиям которого впоследствии дается, как указано было выше, соответствующая правовая оценка.

Но прежде, полезно с научной точки зрения будет исследование этимологии данных понятий. При обращении к словарю В. Даля обнаруживаем следующие определения исследуемых понятий: «воля – данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения <...> » ⁷⁹, а категория «интерес» формулируется как «польза, выгода, прибыль; проценты, рост на деньги <...> » ⁸⁰. У другого ученого-лингвиста С. И. Ожегова значения этих понятий также приводятся, при том довольно расширительно толкуются. Как считает ученый воля понимается с двух точек зрения: воля как способность индивида реализовывать свои желания, цели ⁸¹ и воля как некое качество, характеристика состояния индивида «воля – свобода в проявлении чего-нибудь: дать волю своему чувству, взять-волю (почувствовать свободу в своих поступках, начать поступать своевольно) <...> » ⁸².

Предполагаем, что приводимая в первом случае формулировка С. И. Ожеговым, относится в большей степени к волеизъявлению, нежели к воле. Касательно же категории «интереса» ученый-лингвист выделял несколько значений этого понятия. Таким образом, понятие воли с этимологической точки зрения коррелирует с понятиями свобода, необходимость, желание.

В ракурсе же рассматриваемой нами проблематики интерес (как бы тавтологично это не звучало) представляет определение «интереса» через «выгоду, корысть (разг.): у него здесь свой интерес; играть на интерес (на деньги; устар.); действовать в интересах дела» ⁸³.

В психологии понятие воли имеет различные аспекты формулирования и представляется неоднозначным, порой противоречивым объектом исследования данной науки, так как она не дает однозначного, общепринятого определения воли. Весьма красноречиво и даже эмоционально высказался о проблеме воли А. Р. Лурия: «Можно с уверенностью сказать, что ни одна из проблем психологии не скрывает в своей истории столько ошибок, как именно эта проблема. Поистине, история изучения воли является историей заблуждений, а инвентарь современных психологических представлений о воле – грандиозным кладбищем ошибок, неясно поставленных проблем и свидетельством легкомыслия исследователей» ⁸⁴. Как считал еще Декарт «воля – это духовное начало, способность души формировать желание и определять побуждение к любому действию человека, которое нельзя объяснить на основе рефлекторного принципа» ⁸⁵. По мнению небезызвестного ученого-психолога С. Л. Рубинштейна волевое дей-

⁷⁹ Толковый словарь В. Даля. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=3639> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸⁰ Толковый словарь В. Даля. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=11718> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸¹ Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3741> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸² Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3742> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸³ Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10008> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸⁴ Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. М.: Когито-Центр, 2002. С. 476.

⁸⁵ Цит. по Иванникову В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. 208 с.

ствие в «итоге есть действие сознательное, целенаправленное, посредством которого человек планомерно осуществляет стоящую перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом»⁸⁶.

По мнению У. Джеймса воля представляет собой некую составляющую души, которой свойственно принимать решения и соответственно им действовать⁸⁷. По мнению Л. С. Выготского сущность воли заключается в овладении собой, своей мотивацией и психическими процессами⁸⁸. Между тем, Е. П. Ильин отмечает, характеризуя волевые действия, в качестве модификации случайных действий, отличающихся в своей динамике при стремлении к поставленной цели наличием волевого усилия⁸⁹. Как считает другой психолог А. Н. Леонтьев: «Волевой акт есть действие в условиях выбора, основанное на принятии решения»⁹⁰.

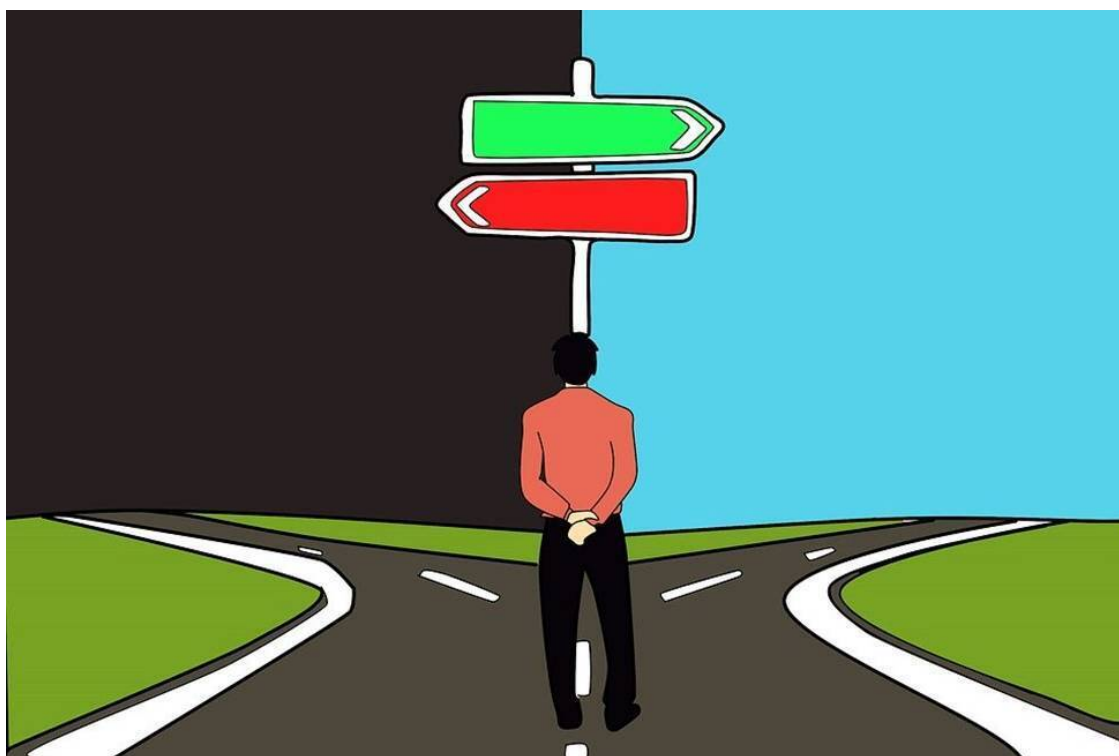

Рис. 8. Воля и выбор решения
(источник изображения: <https://pixabay.com/ru/illustrations/решение-выбор-нужь-дорога-1697537/>)

Таким образом, из вышеуказанных психологических определений можно выделить ряд обобщённых критериев воли: 1) сознательность и целеустремленность; 2) необходимость выбора и принятия решения. И именно данные признаки воли станут основополагающим для

⁸⁶ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. С. 602.

⁸⁷ Джеймс У. Воля // Общая психология. Тексты. Т. 2. Субъект деятельности. Кн. 1. / под ред. В. В. Петухова, Ю. Б. Дормашева, С. А. Капустина. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2002. С. 597 – 614.

⁸⁸ См.: Выготский Л. С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 1008 с.

⁸⁹ Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000. С. 47.

⁹⁰ Леонтьев А. Н. Психология воли // Электронный ресурс // URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-voli-a.n.-leontev> (дата обращения: 16.10.2019).

последующего юридического анализа в настоящей работе категорий воли, волеизъявления и интереса в их взаимосвязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.